

Митрополит Иларион: «Это был поток атеистической пропаганды»

Председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Волоколамский Иларион рассказал Русской службе Би-би-си о том, зачем нужна теология в вузах, что он думает о фильме «Матильда» и о религиозной ситуации на Украине. С митрополитом Иларионом беседовала корреспондент Русской службы Би-би-си Анастасия Голубева.

— Российский министр образования Ольга Васильева не так давно рассказала, что в ближайшие годы будет увеличено количество бюджетных мест по специальности «теология». Стоит ли ждать повального появления кафедр теологии в «светских» вузах через какое-то время?

— Теология постепенно завоевывает свое место в светском образовательном пространстве. Это тот процесс, который происходит естественным путем. Он не диктуется кем-то сверху, а диктуется самой ситуацией. В странах Запада исторически сложилось так, что все крупнейшие университеты начинались именно с теологических факультетов: создавалась школа теологии, а потом постепенно к ней прибавлялись разные другие науки. В России дело обстояло по-другому, потому что духовные академии возникли раньше, чем университеты. И когда стали создаваться университеты, система духовного образования уже была, поэтому в университетах не было факультетов теологии.

В современных условиях, конечно, университет без кафедры теологии – университет ущербный. Он не дает тех возможностей, которые дает университет, в котором представлены все гуманитарные науки. Ведь само слово университет, оно предполагает не только узкую специализацию, а широкий охват знаний: выпускник университета – это человек, который эрудирован в самых разных областях.

Когда мы создавали кафедру теологии в МИФИ, Московском ядерном университете, многие спрашивали: «Зачем ядерщикам теология?» Оказалось, что она им нужна, студенты ходят с большой охотой на эти занятия. Когда я читал там лекции, до четырехсот человек собирались, полный зал был. Причем собирались люди разных вероисповеданий, мусульмане посещали и иудеи.

— Есть ли уже какие-то понятные планы или договоренности с учебными заведениями,

с ректорами об открытии новых кафедр теологии? Стоит ли нам ждать изучения теологии в МГУ или, скажем, в МГТУ им. Баумана?

— У нас есть много договоренностей, но я не люблю их озвучивать до тех пор, пока дело не сделано. Потому что тогда в это начинает кто-то вмешиваться.

Когда мы проводили первую в истории защиту кандидатской работы по теологии, нам решили ее, видимо, сорвать представители биологического сообщества, причем атеистически настроенные. Они прислали пять отрицательных отзывов, хотя их об этих отзывах никто не просил.

По закону мы обязаны их все зачитывать, и вот мы зачитывали эти длинные отзывы, это заняло у нас два часа. Это был такой поток атеистической пропаганды в духе того, что я слышал в 70-80-е годы. В вину диссертанту ставили то, что он исходит из гипотезы существования Бога. «Если вы верите в Бога, значит, не можете быть ученым», – так нам эти биологи разъясняли суть вопроса.

Но мы считаем, что религия не противоречит науке и что теология – одна из гуманитарных наук.

Та самая первая диссертация по теологии, написанная отцом Павлом Хондзинским, – это научная работа. Она соответствует всем требованиям, предъявляемым к научной работе.

Как было сказано в одном из отзывов биологов, «научными нельзя считать данные, полученные в результате откровения или озарения». Но как раз отец Павел Хондзинский привел в своей работе те данные, которые получил, конечно, не путем откровения и озарения, а путем научного поиска, работы в архивах и библиотеках, широкого охвата материалов, в том числе и исторических. Я считаю, что это была в высшей степени профессиональная работа, и это не мое только мнение.

— Вы возглавили диссертационный совет по теологии. Сколько еще работ по этой специальности будут поданы на защиту в Высшую аттестационную комиссию? Сколько ждать кандидатов теологических наук?

— У нас нет еще статистики. Работы в разной степени готовности, проходят разные предварительные стадии. Это большое количество работ, но не сто, конечно.

Каждое новое дело требует определенного времени для разгона. Когда люди подают работу на защиту в те диссоветы, которые действуют в церковной системе, они знают, зачем они ее туда подают: человек защищается в докторском общецерковном совете, становится доктором богословия, получает специальный красивый докторский крест, то есть бонусы ясны.

А что касается объединенного диссовета по теологии – конечно, люди будут спрашивать, какие будут бонусы от этих степеней.

Я думаю, что главный бонус защиты степени по теологии, признаваемой ВАКом, – это то, что государство будет признавать эти степени. То есть человек сможет полноценно работать не только в духовных академиях и семинариях, но и в университете.

— Несколько лет обсуждается введение обязательного школьного предмета «Основы православной культуры». Недавно Российская академия образования провела очередную экспертизу программы и не приняла решения. Что сейчас в итоге с этой инициативой?

— Религия должна преподаваться в школах с 1 по 11 класс. Сейчас преподается культурологический предмет «Основы православной культуры», или по выбору это могут быть основы исламской, иудейской культуры, или основы светской этики, или общий курс, касающийся всех религий. Но это всего лишь один год обучения и один час в неделю, весь курс длится 36 часов.

Религия – это огромная область человеческого бытия и культуры. Я думаю, что проблемы, которые сегодня возникают, в том числе и проблема религиозного экстремизма, напрямую связаны с безграмотностью в религиозных вопросах. На каком уровне, как не на уровне школы нужно восполнять эти проблемы?

Я не знаю деталей процесса согласования курса. Но поскольку я наблюдаю за ним, то могу сказать, что в нашем обществе, в том числе и в родительской среде, по-прежнему есть непонимание: «Зачем вообще изучать религию и как ее изучать?»

Почему, например, в Австрии, где я пять лет прослужил в качестве православного епископа, в светской школе преподается религия на протяжении 11 лет? Если там есть хотя бы два православных ученика, то к ним приходит православный священник, а к детям католикам приходит католический священник. Почему в католической Австрии православный священник может прийти в светскую школу и детям рассказывать о православии, а в православной России православный священник не может прийти в школу и им рассказать о религии? А вместо этого о религии рассказывают люди, которые часто имеют самое общее представление о ней.

Ведь этот курс – «Основы православной культуры» – его часто ведут преподаватели, которые обладают только базовыми знаниями. Я думаю, что до тех пор, пока традиционные конфессии не будут нести ответственность за преподавание этого предмета в школе, до тех пор у нас не будет

выстроена эта система.

— В науке и образовании становится всё больше религиозной составляющей: теология признается ВАКом, в школах обсуждают введение более обширного курса ОПК. Связано ли это с тем, что министр образования Ольга Васильева близка Церкви?

— У нас очень плотные отношения с Ольгой Юрьевной, она – православный человек и профессиональный церковный историк. Но я должен сказать, что теология как научная специальность была признана при министре Ливанове, а процессы эти начались еще при Фурсенко и Филиппове [Андрей Фурсенко и Владимир Филиппов – бывшие министры образования]. Они все внесли свой вклад в становление теологии как науки.

Я думаю, что этот процесс зависит не столько от личностей, сколько от доброй воли. А добрая воля на протяжении всего этого процесса сохранялась.

— Вы были первым представителем Русской Православной Церкви, кто посмотрел фильм «Матильда». Вы высказались о нем резко, назвав «апофеозом пошлости». Что вызвало у Вас такую реакцию?

— Не касаясь эстетической или этической стороны этого фильма, могу сказать, что очень сожалею, что в год революции – когда мы могли бы задуматься о невинных жертвах, когда мы могли бы какую-то воздать дань благодарности этим людям, невинно пострадавшим – главное, что люди узнают о последнем царе, это не его трагическая гибель, не расстрел его жены и детей, а они увидят вот эту пошлую и грязную историю, которая представлена совсем не так, как это происходило в реальной жизни.

Я сопровождал нашего Патриарха в его визите в Сербию и принимал участие в открытие памятника Николаю II на одной из центральных площадей Белграда. Сербия нашему последнему императору поставила памятник. А наш памятник будет вот такой. Это меня очень огорчает.

Фильма никто не видел, кроме меня [из представителей Церкви]. Председатель Патриаршей комиссии по культуре [епископ Тихон] видел сценарий, но с него, насколько я знаю, было взято слово, что он не будет критиковать этот сценарий. Поэтому он сказал то, что он мог сказать, при этом не видя самого фильма.

Я такого слова режиссеру Алексею Учителю не давал. Более того, когда он меня пригласил смотреть этот фильм, я не сразу согласился, мне не хотелось его смотреть. Но я решил его посмотреть именно после того, как развернулась публичная дискуссия. Тогда главным аргументом

было: «Вот вы не смотрели, так не критикуйте». И я не хотел быть тем, кто критикует, не посмотрев.

Мне было трудно смотреть этот фильм, потому что это фильм о человеке, который в церкви почитается как святой. Я читал книги: потрясающую переписку между Николаем и Александрой, я помню книгу, изданную в Зарубежной Церкви, – письма царской семьи из заточения, где есть письма этих детей. Это действительно то, о чем можно было бы рассказать, это можно было бы показать.

Я совершенно не склонен его идеализировать. Но Церковь прославила его как страстотерпца, его супругу и его детей. В этом фильме дети вообще отсутствуют, супруга показана как какая-то жуткая ведьма, а сюжет построен на любовном увлечении его молодости. Это увлечение действительно было, оно отражено в каких-то документах, его дневниках. Но с тем, как в этом фильме расставлены акценты, я никак не могу согласиться.

— Почему из всех священнослужителей для первого просмотра Учитель выбрал именно вас? Не Патриарха, не Тихона?

— Мы сидели с режиссером вместе, в одной ложе на опере «Русалка» Даргомыжского. И перед этим мы говорили, что уже начинается полемика о фильме, но никто сам фильм не видел. И он мне тогда предложил посмотреть, предупредив, что это еще не окончательный вариант. Через несколько месяцев я решил, что все-таки надо посмотреть фильм.

— Недавно депутат Наталья Поклонская сказала, что прихожан, посмотревших фильм «Матильда» на закрытых показах, отлучили от святого причастия на шесть месяцев. Это правда?

— Не могу комментировать это высказывание. Не могу ничего сказать, задайте этот вопрос ей.

— Какие сейчас отношения с Киевским патриархатом? Усугубило ли конфликт обсуждение в Раде законопроектов об особом статусе церковных организаций?

— Мы никогда не говорим об отношениях «между двумя патриархатами», потому что мы не признаем «украинский патриархат». Это раскольничья структура, она была создана человеком, который отлучен от Церкви. Это то, что по церковным канонам, называется самочинным собором. Мы это называем расколом. И пути врачевания раскола мы видим в том, чтобы те, кто ударились в раскол, вернулись в Церковь.

Ни глава этой раскольничьей группы, ни ее официальный представитель диалога не ищут. Они ищут диалог с украинской властью, пользуются политической ситуацией для того, чтобы отгрызть у канонической Церкви как можно больше: они захватывают храмы, причем рейдерским путем, путем насилия.

Один из этих законопроектов был направлен на легитимизацию рейдерских захватов храмов: предлагалось, чтобы принадлежность храма религиозной общине определялась путем самоидентификации ее членов. Когда члены общины нигде не зарегистрированы, любая группа лиц может ворваться в храм и его захватить и сказать: «Мы прихожане, мы владельцы этого храма, и мы его передаем другой религиозной конфессии».

А другой законопроект был направлен на определения особого статуса религиозной конфессии, центр которой находится в "стране-агрессоре". А такая конфессия только одна – Украинская Православная Церковь Московского Патриархата. Предлагалось, чтобы все назначения в этой Церкви согласовывались со светскими властями. При этом Украинская Православная Церковь Московского Патриархата является самоуправляемой, то есть никакого административного управления из Москвы нет.

Дело в том, что верующие не поддерживают этот проект, тем более когда речь идет о поглощении канонической Церкви раскольничьей структурой. Если структуры хотят соединиться, они сами это сделают. Но этого нельзя делать по указке власти, а тем более при помощи таких дискриминационных мер.

Угроза принятия этих законопроектов все еще реальна. Потому что на условиях политического противостояния, которое происходит сейчас, возможны самые неожиданные действия.

Это тот случай, когда политические вопросы смешиваются с церковными, но их нельзя смешивать. Я думаю, что то разделение, которое сегодня существует в украинском обществе, во многом обязано разделению, которое когда-то возникло в Православии.

Источник: <https://mospat.ru/ru/news/48363/>